

Аполлон Шпаковский

ЗАПИСКИ СТАРОГО КАЗАКА

Пластуны
на Лабинской линии

Аполлон Шпаковский

Записки старого казака.
Пластуны на Лабинской линии

Православное издательство "Сатись"

2014

Шпаковский А.

Записки старого казака. Пластуны на Лабинской линии /
А. Шпаковский — Православное издательство "Сатись", 2014

ISBN 978-5-7868-0111-9

В «Записках старого казака», уникальных мемуарах офицера-пластуна А. Шпаковского рассказывается о славной и героической эпохе Кавказской войны, а именно, о возникновении и становлении Лабинской линии, о боевых действиях против черкесов. Рельефно и сочно описаны действующие лица как с нашей, так и с враждебной нам стороны. Автор — участник множества боев и стычек с горцами, штурмов аулов и разведывательных рейдов в глубину вражеских земель.

ISBN 978-5-7868-0111-9

© Шпаковский А., 2014
© Православное издательство
"Сатись", 2014

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I.	7
Глава II.	9
Глава III.	11
Глава IV.	13
Глава V.	16
Глава VI.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Аполлон Шпаковский

Записки старого казака

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около двадцати лет, по воле судьбы, мне пришлось прослужить в рядах Кавказского линейного казачьего войска, в сословие которого я был зачислен, по особому Высочайшему повелению, навсегда с потомством. Я начал боевое свое поприще в конной № 14 казачьей батарее, урядником.

Много привелось мне в этот период времени видеть, испытать и перенести на Кавказе боевой, тогда тяжелой и тревожной службе, переходя со своим взводом из одного отряда в другой, то в большой и в малой Кабарде, то в обеих Чечнях, на лезгинской линии, или в северном и в южном Дагестане, наконец, на правом фланге, за Кубанью, на передовой Лабинской линии. Во 2-й войсковой бригаде, в которой я водворился на жительство, мне пришлось нести должности то станичного атамана, то командира сотен, конно-ракетных команд и пластунов; был я и воинским начальником, и заседателем полкового правления; всего же долее находился в должности адъютанта управлений начальника Лабинской линии и командира 2-й бригады Кавказского линейного казачьего войска.

Начав службу урядником, мне пришлось ознакомиться не поверхностно, а вполне с жизнью и бытом линейного казака. Пришлось волей-неволей примениться к новым порядкам и освоиться со строем общественной войсковой жизни; одним словом, пришлось быть вполне казаком.

При поступлении на службу мне было 18–19 лет, а в этом возрасте человек без большого труда переменяет ту обстановку, в которой он рос и воспитывался, на совершенно новую и более суровую, поэтому мне не было особенно трудно из гардемарина превратиться в гусарского юнкера, и затем в истого казака.

Живя теперь семейным, мирным гражданином, частенько переношусь мысленно в прошлое былое, невозвратное, в котором было немало прекрасного и обаятельного, грустного, тревожного и подчас страшного. Вспоминаю лихих начальников и товарищей, преждевременно отправленных пулей, кинжалом или шашкой горца в лоно Авраама, их славные боевые подвиги, в которых не раз приходилась и для меня доля, и частенько раздумываю о завидной смерти не от горячки, лихорадки или старческой немощи. Но время идет, изглаживая в памяти много славных, доблестных дел и отдельных эпизодов из подвигов линейцев, совершенных до покорения Кавказа.

Случай позволил мне быть очевидцем или соучастником многих таких подвигов и эпизодов и, как живая легенда, я постараюсь правдиво, не мудрствуя, передать, как сумею, на память родным и друзьям, о нашем кавказском былом.

Теперь я жалею, что не вел дневника (впрочем, тогда это дело было почти невозможное); потому в рассказе я не буду придерживаться хронологического порядка, а буду говорить, как придется вспомнить, сохраняя, по возможности, имена личностей и мест, где, что и как случилось.

Чтобы выяснить то положение и состояние Лабинской линии, в котором она находилась в период со своего основания до конца пятидесятых годов, необходимо сказать, насколько припомню, о тогдашнем делении военных границ Кавказа.

Кавказ делился на три главные части: правый и левый фланги и центр.

Правый фланг начинался от станицы Васюринской, границы Черноморского войска, шел через станицу Усть-Лабинскую (1-й Кавказской бригады), при устье реки Лабы, затем вверх

по ее течению, берущему начало в ледниках двуглавого исполина кавказского хребта Эльбруса, или Шат-горы, и охватывал пространство до Георгиевска (*Кавказские минеральные воды, Пятигорск, Эсентуки, Железноводск и Кисловодск, составляли свою кордонную линию и относились уже более к центру.*). Центр заключал в себе обе Кабарды, часть Военно-Грузинской дороги, обе Чечни и поворачивал на город Моздок, от которого до Каспийского моря, по рекам Тереку, Сунже, и Сулаку, простирался левый фланг.

Все эти три отдела совмещали в себе, станицы, посты, укрепления и крепости, пограничные с землями непокорных горских племен. Дагестан же и Закавказье составляли особые отделы.

Так как большая часть записок моих будет относиться к правому флангу, то нелишним считаю ознакомить читателей с бывшею Лабинской линиею и с прежним ее значением, как главного, передового пункта, подвергавшегося частым вторжениям хищников и служившего сборным местом отрядов, назначавшихся для наказания их.

До 1841 года за Кубанью было лишь несколько укреплений и постов, по рекам Уруп, Чамлык, Окарта, Тегеням и Большому Зеленчугу. Эти передовые пункты, по своей раскинутости и незначительности гарнизона, мало приносили пользы, и партии, минуя их, прорывались за Кубань для грабежа.

Обстоятельство это вызвало необходимость занять реку Лабу населением станиц, как более сильным и крепким оплотом. Сделать это заселение было поручено начальнику кубанской линии, генералу Зассу, который, произведя рекогносцировку для определения пунктов более удобных как в климатическом, так и стратегическом отношении, поручил в том же году адъютанту своему, ротмистру П. А. Волкову, водворить на новой линии четыре станицы, построить между ними посты и сформировать Лабинский казачий полк. Для населения станиц вызывались охотники, назначались по жребию и высылались люди буйные и сектаторы из всех казачьих войск, тогда населявших Кавказ.

Размещение первых станиц – Урупской, Вознесенской, Чамлыкской и Лабинской – промежуточными постами и укреплениями в шахматном порядке, на реках Уруп, Чамлык и Лабе, принесло большую пользу впоследствии и оказалось лучшею мерою, как для взаимной поддержки, так и для отстранения вторжений хищников в наши пределы.

С 1841 по 1858 год населено было более 25 станиц, и сформирована из них 2-я Лабинская бригада, в составе трех конных полков и одного пешего батальона. Укрепления с постами заняли не только реку Белую, впадающую в Кубань, но перешли за нее к Черным горам, а берега рек Окарта, обеих Тегеней и других, заселились станицами. Состав жителей, водворенных на линии и слившихся в одно целое, был очень разнообразен; надо было много усилий и воли для того, чтобы устроить и удержать эту массу, состоявшую из старых кавказских сектаторов, персидских выходцев, татар, армян, грузинов, малороссиян, донцов и разного люда со всей матушки-России. Постоянное ожидание тревоги и стычки с неприятелем выработали из этой массы воинственно-удалое, стойкое и храброе население.

Лабинская линия, начиная от станицы Усть-Лабинской, шла вверх по Лабе на расстоянии более 300 верст и замыкалась почти перпендикулярно зеленчугской линией, заключавшейся в трех укреплениях: Надеждинском, Бельширском и Зеленчугском. Пространство за этими линиями, до снежного хребта, занимали горские племена: карачаевцы, дженгет и даур габлы, баговцы, тамовцы, беглые кабардинцы, бесленеевцы, махошевы, темиргоевцы, натухаевцы, абадзехи и другие, более малочисленные, тянувшиеся к перевалу за хребет на восточный берег Черного Моря, к сильным племенам убыхов и шапсугов.

Глава I.

ПЛАСТУНЫ: УРЯДНИКИ ДЕМАНОВ И ЗИМОВИН И КАЗАК КОРОТКОВ

(Пластун, производное слово от пласт – лежать пластом.)

Черноморское казачье войско, образовавшееся из остатков Запорожской Сечи и части присоединившихся к ним некрасовцев, сохранило много прежних своих учреждений и обычаев.

В составе войска рельефно выдается пластун. Эта личность могла сформироваться и выработаться именно в то только время, когда казачеству, окруженному со всех сторон врагами, приходилось быть всегда настороже. Пластуны, сформировавшись в команды или товарищества, были твердым оплотом против внезапных покушений и хитрости неприятеля.

Пластун Сечи, изменяя наименование запорожца на черноморца, не изменился в своем характере: как на порогах Днепра, так и на Кубани он та же личность, только с новой обстановкой. С учреждением Лабинской линии, была сформирована на ней и особая команда пластунов, не по назначению, а из охотников, которым впоследствии предоставлено было право избирать в свой состав товарищей из строевых и нестроевых казаков. Для поощрения им предоставлялась, по призовому праву, вся добыча в личную собственность. На линии было более сотни пластунов. В обязанность им вменялось охранение границ от внезапных вторжений легких партий, разведывание намерений горцев, осмотр и изучение местности и дорог, так чтобы они могли быть верными проводниками нашим отрядам: это были главные обязанности пластуна; затем вредить хищникам и истреблять их насколько хватит сил, возможности и умения, о чем, впрочем, напоминать ему не было нужды.

Эта охота за людьми привилась вполне к подготовленной натуре казака и обратилась в страсть.

Пластуны отправлялись в горы больше пешие, чем конные, и редко вместе более 5–6 человек. Случалось, и не раз, что пластун пропадал по месяцу и более, исключался без вести пропавшим и вдруг являлся цел и невредим с добычей. На спрос: «где пропадал?» всегда один ответ: «да у татарвы», а что делал, это уже его тайна, да того, с кем он тягался насмерть.

Триумvirат таких друзей, Деманов, Зимовин и Коротков, отправились, осенью в сорок шестом году, к вершинам Лабы, конными. С неделю дела их шли удачно, но как молодцы ни хитрили, следы их были открыты, и человек 30 горцев окружили их близ Черных гор. С полудня до ночи хлопцы отбивались, пользуясь превосходной позицией; на помощь рассчитывать не приходилось – и волей-неволей нужно было что-нибудь придумать; к тому же у двоих кони были убиты. Думали крепкую думу друзья; но куда ни кинь, так клин – и вот, наконец, решили: оставили коней с перерубленными шеями, чтоб не достался татарве, и, пользуясь темнотою, свернули бурки, надели на них папахи и усадили чучел к разведенному костру; сами же как тати сползли в ущелье и бродом по ручью пробрались между стерегшими их горцами. Дело было отважное и трудное, но вполне удалось.

Отойдя верст с десяток, друзья неожиданно наткнулись на конный табун голов в полсотню, стерегомый двумя горцами. Подкрасться и покончить с сторожами было нетрудно, так как оба они спали, и проснулись уже прямо в раю Магомета, куда отправили их кинжалы друзей-охотников до поживы. На другой день к вечеру, без особых приключений, табун был пригнан в станицу.

Утром начался торг конями – и за ведро, много за два, водки, можно было выменять трех или четырех лошадей. Из этого можно заключить, какую ценность имела водка, и какую пропорцию относительно ее составляла опасность, да и самая жизнь для пластуна.

Перепившись и, как водится, наткнувшись по-приятельски по несколько раз на дружный кулак, помирившись и снова подравшись, друзья, дня через три или четыре, опять отправились в горы на новую опасность и за новой добычей. Мы не раз еще встретимся с этими оригинальными личностями, составившими себе имя и известность как у своих, так и у горцев своими подвигами.

Глава II. ПРИКАЗНЫЙ ЛЕДОВСКОЙ

Дежурство, т. е. личный конвой начальника линии и командира 2-й бригады состоял из ста казаков 1-го, 2-го и 3-го конных Лабинских полков. Эта команда находилась почти бес-сменно в штабной Лабинской станице; людей из нее отпускали на побывки в свои станицы только частями. В начале пятидесятых годов, осенью, пять казаков 2-го Лабинского полка 6-й сотни, станицы Константиновской, с приказным Ледовским, были отпущены на несколько дней из конвоя домой. Пробыв там дозволенное время и, как водится, угостившись на прощанье, они, в веселом расположении выехали из станицы перед вечером, рассчитывая добраться до Лабинской не совсем поздно, так как от реки Чамлыка, на которой стоит их станица, по прямой дороге приходилось проехать какие-нибудь 18 верст. До выезда их в станице не было получасо ни цыдул (*Цыдула – известие, посылаемое с нарочными по всей линии о принятии меры осторожности, о прекращении сообщений, кроме конных, между станицами, а также полевых работ. Открытое предписание было разрешение всего, что воспрещалось цыдулой.*), извещающих о сборе или вторжении хищников для набега, ни сведений от пластунов о том же, а потому ехали они спустя рукава. Казак, подгулявший более других, вздумал даже поджигитовать, т. е. показать свою наездническую удаль: выхватил из чехла винтовку, намереваясь стрелять; но Ледовской, зная, что за фальшивую тревогу плоха разделка, как старший распорядился отнять оружие и связать руки несвоевременно разжигитовавшему-ся дурню. Таким образом они доехали благополучно до кургана, верстах в трех от станицы Лабинской, где был постоянно дневной пикет, который уже съехал, но секреты еще не залегли. В это время из опушки леса над Лабой, откуда нельзя было ожидать своих, показались одновременно три партии человек по десяти и более, быстро несшихся и старавшихся окружить казаков, причем один горец так опередил товарищей, что почти налетел на команду, но поплатился за то жизнью: подгулявший джигит-казак, которому, при виде опасности, развязали руки и отдали винтовку, ловким выстрелом ссадил его с коня. В этот же момент остальные линейцы быстро спешили около убитого, сбатовали коней и, составя таким образом живую ограду, положили на седла винтовки и условились стрелять не разом, а через ружье, и стрелять только почти в упор, так как быстро наступавшая темнота не давала возможности целить в даль. Вероятно, боязнь произвести тревогу в станице удержала хищников сделать залп, а вслед затем броситься, по обыкновению, в шашки. Надеясь на свою численность, они окружили казаков и, как было видно, начали совещаться; затем несколько человек, спешась, начали подползать; но казаки не дремали: винтовки на седлах противу конных, винтовки севших на землю промеж коней для ползунов, держали горцев на благородном расстоянии. Казаки, зная по опыту, что заряд в дуле то же что голова на плечах, не открывали огня. Разбойничья натура не выдержала: горцы, выстрелив, бросились в шашки, но меткие выстрелы положили трех. Выстрелы эти, за сильным ветром дувшим от станицы, не были ясно услышаны часовым на вышке (*Вышка есть крытая на столбах беседка, высота которой, смотря по местности, бывает более 40 аршин. Вышка имеет для входа лестницу, и во время тревоги на флажтоке часовым, после выстрела из ружья, выкидывается днем флаг, а ночью красный фонарь.*); сверканье же их казак считал за огоньки на горевших кучах навоза, который, как ни к чему непригодный, у нас вывозится и сожигается за станицей. Несколько раз возобновляли горцы по частям нападения, но безуспешно, платя всякий раз жизнью или раной товарища. Убитые лошади казаков составили бруствер, из-за которого линейцы производили верный и меткий огонь. Видя упорство казаков, которые как будто были заколдованы от пуль, горцы сделали залп и бросились в шашки всею уже массой. Этот звук, более ясный, и постоянное сверканье огня на одном и том же месте

заставили вышкового поднять тревогу: сверкнул выстрел, и едва затих его гул, как поднятый красный фонарь на флагштоке вышки встрепенул станичников. Между тем молодцам нашим приходилось уже плохо; но в это время орудийный выстрел с станичной батареи и осветившаяся местность от факелов несущейся дежурной сотни заставили разбойников спасаться врассыпную. Команды, выскакавшие на тревогу, бросились преследовать бегущих, стараясь сбить их на те броды, где были секреты и натянутые тенетные путы (*Путы эти состояли из длинных веревок, скрученных из лык, привязывались в несколько рядов по деревьям, между которыми вилась дорожка к броду, на разной высоте, и оставались на земле до тревоги или переправы неприятеля на нашу сторону; тогда они подымались и привязывались туго секретными к противоположным деревьям, что составляло в несколько рядов барьеры. Неприятель, особенно в темноте, налетал на них и падал с конем.*).

Дело вполне удалось, и 23 тела остались в наших руках. Казаки, выдержавшие более часа далеко неравный бой, были все поранены, так что каждый имел от трех до семи ран.

За этот подвиг приказный Ледовской произведен в урядники, а товарищи его получили награды по 5 рублей. Они все выздоровели, и один только не мог поступить в строй: так его покалечили. Долго горцы дивились, передавая друг другу эту схватку, и, по своему верованию в заговоры, не хотели допустить мысли, чтобы казаки перераненные так долго держались. Название «шайтан-казук», то есть «чорт-казак», было самым лестным прозвищем Ледовского и товарищей.

Глава III. КАЗАЧКА СЕРДЮКОВА

Анна Сердюкова была девка лет 16, рослая, стройная, красивая, и не один станичник и наш брат-благородье засматривались на черные огненные ее очи и роскошную русую косу; но строгий суровый казак-отец держал ее, как говорится, в ежовых рукавицах, так что баловаться не приходилось, несмотря на вообще далеко не строгую нравственность станичного прекрасного пола. Подвиг, совершенный Анной, выходит из ряда обыкновенных и рельефно выставляет те условия, среди которых вырабатывались характеры, вращалась жизнь и воспитание казачества. Осенью, в сороковых годах, в праздничный день, вечером, Анна, с братом своим, мальчуганом лет одиннадцати, отправилась за станицу на свой огород, крайний к Лабе, и, как следует доброй хозяйке, до того углубилась в уборку овощей, что только крик брата заставил ее оглянуться, и можно представить ужас девки, когда она увидела пятерых горцев, бежавших к ней. Страх отнял язык; но ноги еще не изменили и она бросилась бежать по хайвану (*Хайван – главная дорожка в виноградных садах и огородах, которые, быв обнесены плетнем из хвороста, имеют всегда густо наложенный терновник наверху, в защиту от воришек, и, служа своего рода укреплениями, не раз спасали жизнь.*) к калитке, между тем как казачонок со своим ружьем, забившись в кусты под забором, выглядывал сурком на эволюции сестры и джигитов, боясь не только выстрелить, но и крикнуть.

Ужас окрылил Анну: она не бежала, а летела, и хищник, ближе за ней гнавшийся, боясь поднять тревогу и упустить лакомую добычу, на бегу бросил кинжал в свою жертву; но судьба не дала ей погибнуть: кинжал, пролетев с боку, воткнулся далеко впереди Анны. Приостановясь инстинктивно, она схватила упавший кинжал, держа его острием назад. В это время горец набежал и охватил ее, но, каким случаем, она сама не помнит, кинжал прошел на вылет через живот хищника, повалившегося вместе с ней. Страх придал силы вырваться из этих далеко немилых объятий, но сбил с толку, и Анна бросилась не к калитке, а на забор, и, ухватясь за него руками, хотела перескочить... В этот момент, другой набежавший горец шашкой рассек ей зад (хотя и не глубоко). Боль и страх ошеломили бедняжку... она опомнилась уже за Лабой, сидя за седлом, привязанная ремнем к поясу всадника. Их было пятеро, убитого же везли перекинутым через седло. Отъехав на значительное расстояние от Лабы, горцы остановились на ночлег, развели костер и...

За полночь горцы улеглись спать, и так были уверены в своей безопасности, считая себя уже дома, что не только не связали пленницы, но даже не очередились караулом: эта-та оплошность спасла Анну, лежавшую возле жоака.

Великолепная кавказская ночь, озаренная полной луной и окружающая тишина, нарушаемая только сильным храпом джигитов, успокоили душевное волнение пленницы. Невзирая на физическое изнеможение, она тихо приподнялась, с намерением бежать; страх быть настигнутой дал ей решимость: придерживая одной рукой ножны, казачка вынула кинжал у жоака и мгновенно всадила ему в горло. Горец не успел даже пикнуть, так был силен и ловок удар.

Вид крови ошелолил и обезумил девку: она схватила шашку и пистолет убитого и принялась рубить спавших, прежде, чем они пришли в себя и поняли в чем дело, еще трое поплавились жизнью. Последний успевший вскочить на ноги, видя кровь и убитых товарищей, под влиянием панического страха, так потерялся, что бросился, как угорелый бежать, но остервеневшая Анна погналась за ним, и выстрел положил и его на месте.

Не раздумывая долго, Анна обобрала, по обычаю горцев и казачества, оружие и одежду с убитых, переловила стреноженных коней, побатовала их и, навьючив их трофеями своей победы и мести, утром добралась до Лабы, выше станицы верстах в семи или восьми. И не

странно ли, что, совершив уже столько, она не решилась переплыть Лабу, так ей страшна показалась переправа через ревущую и летящую стрелой реку. С противоположного берега пикет увидел татарина с конями (Анна переделась и вооружилась горцем), и полагая встретить мирного или бежавшего от своих горца, переправился и доставил казачку с трофеями в станицу.

Недолго хворала Анна в госпитале, хотя следы остались навсегда. Вскоре появилась она снова между станичниками, такая же бойкая и говорливая, как была прежде. Золотая медаль за храбрость на георгиевской ленте, пожизненный пенсион в 50 рублей серебром и золотой браслет – подарок главнокомандующего, князя Воронцова, были наградами ее необыкновенного подвига.

Глава IV. УРЯДНИК ПОДРЕЗОВ

Самая личность Подрезова была уже замечательна: высокий, широкоплечий, стройный детина с геркулесовской силой, с бородой по пояс, с сверкающими плутовскими глазами и сатанинской улыбкой, не сходившей с губ, невольно внушал почтение горцам, ценившим выше всего силу, отвагу и плутовство на все руки, а этими великолепными качествами Подрезов обладал вполне. Давно уже он произведен в офицеры, но имя, данное уряднику, «Гришка Отрепьев», осталось за ним. Закоснелый раскольник по вере, он был далеко не безукоризнен в своих деяниях: обмануть, надуть – лишь бы от этого была какая-нибудь личная польза – составляли девиз молодца. Но нередко и в этой мрачной трущобе проявлялись светлые точки рыцарства, великодушия и даже честности, хотя и на свой лад.

В первые годы населения линии, во время весенней пахоты, горцы, вопреки своего обыкновения тревожить казаков сборами партий в разных пунктах, как бы затихли. Эта ложная тишина если не совсем обманула, то успокоила тогда еще не осмотревшуюся горсть станичников, и расчет хищников, казалось, был верен: они хотели обмануть и усыпить бдительность тишиной, потом напасть на несколько пунктов разом и разъединить и без того незначительные силы к обороне. Вышло, однако, не так: лабинцы доказали, что не посрамят старого казачества. Партия хищников, до тысячи человек, неожиданно напала на плуги пахавших жителей станицы Лабинской, тогда как другие сильные партии угрожали станице Вознесенской (*Надо заметить, что горцы правого фланга, как более зажиточные, никогда не собирались в набег пешие, разве какой-нибудь шальной «бей-гуш», т. е. бедняк, пускался очертя голову. Дрались вообще более стойко и отважно, нежели чеченцы, мечиковцы, тавлинцы и лезгины, как на открытой, так и на лесистой и пересеченной местности, и по шавдонам, т. е. болотам, что можно отнести к исправному вооружению и доброму коню, и к более или менее сытому желудку. Самое управление их не было так деспотично, как управление Шамиля: князя, и впоследствии шейх Амин-Магомет, пользовались только влиянием на умы, а не на благосостояние горцев, и последние не обязаны были кормить пришлецов, как чеченцы, дагестанцев – мюридов Шамиля.*). Завязался одиночный, отчаянный бой и две местные сотни, несмотря на бешеную храбрость, были подавлены численностью неприятеля: прежде чем пехота подросла в дело, много уже было побито и захвачено в плен (по большей части женщин и детей). Среди этой свалки, Подрезов дрался как сущий черт, и его пример увлекал не одного; но все усилия оставались тщетны и наши лишились человек с полсотни, хотя и горцы, в свою очередь, понесли значительную потерю. Захватив добычу, стали они отступать, гоня скот и несколько пленников, под прикрытием лучших своих джигитов. Наш Гриша не выдержал: надел папах на винтовку и, подняв ее, махнул над головой в знак вызова на единоборство (*Этот маневр всегда употреблялся охотниками подражаться с обеих сторон, подобно тому, как рыцари бросали перчатки.*); навстречу ему выскакал джигит – как теперь вижу, в белом папахе, белом чекмене и на белом коне (*Абреки и джигиты, как давшие зарок ничего не страшиться, имели по преимуществу белую одежду и коня, чтобы и ночью быть более заметными.*). Быстро слетелись враги, сверкнули выстрелы и оба коня грянули наземь. Вскочили на ноги противники, бросились друг на друга с шашками, но, по незнанию правил фехтования, рубка с плеча не могла долго длиться: шашка Подрезова разлетелась в куски, а у горца вылетела из рук. Одно только мгновение стояли ошеломленные враги и, как бы сговорясь, бросились друга на друга. Вой с обеих сторон, казалось, притих; внимание всех сосредоточилось на борющихся – и, поистине, было чем полюбоваться. Сила была на стороне Подрезова, ловкость на стороне горца. Несколько мгновений они крутились по земле, и то тот, то другой был наверху – и все втихомолку; наконец Подрезов, окровавленный,

поднялся на ноги с кинжалом по рукоять в боку; горец же не поднялся. Раздался с обеих сторон гик (*Ги, гик, пронзительный звук, заменяющий ура, употреблялся и нашими, и горцами.*), закипела борьба за тело горца (*Тела горцы стараются привести домой семейству убитого, а иначе аульные кунаки, т. е. товарищи-друзья, обязаны содержать до возраста семейство, убитого: это адат, т. е. старинный обычай; вот причина, почему горец нередко сам скорей ляжет мертвым, чем оставит тело в руках врага.*), задавленного руками Подрезова, который, в это время, отошел назад, осторожно вынул кинжал, захватил лапами бешмета раны и, шатаясь, поплелся в станицу. Придя к нашему медику Золотареву, Подрезов упросил перевязать рану на дому, не соглашаясь никак лечь в госпиталь. Раны были зашиты и забинтованы. Подрезов успел-таки у экономки доктора выпросить стакан водки и, вместо того чтобы лечь в постель, поймал шлявшуюся по станице лошадь убитого казака, сел на нее и, выскакав за станицу, примкнул к своим, верст за семь от станицы перестреливавшимся с горцами. Горцы думали уже торжествовать удачный набег, но горько разочаровались. Все резервы укреплений, постов и станиц Чамлыкской и Урупской линии, переправясь ниже места боя за Лабу, и следуя один за другим по сакме (*Сакма – след на траве или песке, по которому всякий почти казак скажет, наверное, сколько коней или людей прошло и давно ли.*), пробрались незамеченными наперерез неприятеля, залегли на пересеченной местности и дружным ударом отбили скот, пленных и жестоко отплатили за смерть товарищей: более 30 тел было притащено в станицу.

Примкнув к своим, как уже сказано, Подрезов ухитрился выстрелом убить еще горца, поймал его лошадь и тогда уже, изнеможенный и растревоживший раны, этот дуб повалился с коня. Через два с небольшим месяца Подрезов выписался из госпиталя и опять был на коне, как будто ничего и не случилось особенного, кроме получения Георгиевского креста, которым был награжден за это дело.

В том же году, в декабре, в сильную метель, как лучшую помощницу для набега, Подрезову приказано было отправиться, с десятком пластунов, за реку Белую для пригона высмотренного у махошевцев конного табуна, голов в 500; для охранения, при возвращении с табуном команды, было выслано по две сотни казаков на реки Чахрак, Ходз и Псефир и три сотни со взводом конной артиллерии и конно-ракетной командой на реку Белую. Почти перед светом, отряд, пройдя до 80 верст, по «одометру» (*Почти у всех орудий на Кавказе к колесу прикреплялся одометр, аппарат, определяющий оборотом колеса пройденное пространство.*), остановился в лесу, на правом берегу Белой. Под прикрытием с берега, Подрезов, с пластунами и с несколькими казаками, переправился за Белую, несмотря на сильно шедший по реке лед. Долго шли пластуны по приметам, но, буквально ослепляемые метелью, сбились с пути, и только случай наткнул их неожиданно на другой табун, голов в двести. Посоветовавшись между собою что делать, решили захватить, хотя эту добычу. При обходе табуна, они наткнулись на пятерых спавших в кустах табунщиков. Вмиг четверых не стало, но пятый успел ускользнуть в чашу леса и поднял своим криком и выстрелами тревогу. Это обстоятельство заставило казаков поторопиться: быстро обежав табун скученный непогодой, накинув наудачу арканы и надев взятые с собой уздечки, они повскакали на коней. Казачья натура живо узнает достоинство скакуна – и вот один пластун пустился вскачь к Белой; несколько выстрелов и гик шарахнули испуганный табун, а он понесся, как ураган, за скакавшим впереди, подгоняемый криком и выстрелами скакавших по бокам и сзади. Белая, видная со взгорья, уже сверкала близко; но недалеко неслись и сторожевые из аула горцы: надо было позадержать их, и для того Подрезов сам-пят повернули коней навстречу. Горцы, ослепляемые метелью прямо в лицо и озадаченные несколькими удачными выстрелами, не зная силы врага, остановились; этого только и было нужно: табун с раскоку ринулся за вожакom прямо с кручи, и страшная пена от взбрызг бешеной реки точно пыль поднялась и закрыла берег. Еще полчаса – и кони пронеслись, минуя отряд, как бешеные, прядая, фыркая и обгоняя друг друга, преследуемые гиком и выстрелами казаков, заменивших пластунов. Вместе с ними и Подрезов, несмотря на принятую ванну в Белой, продолжал охра-

нять табун, до самой станицы скача без седла. Метель с рассветом поунялась и летучий отряд не торопясь отступал от Белой, изредка посылая гранату, ядро или ракету собиравшимся со всех сторон горцам. Соединившись с сотнями на бродах Псефира и Ходза, казаки на Чахраке вдруг перешли из отступного в наступательный порядок, и быстрой атакой отбросили гнавшихся в пустой след табуна горцев. К закату солнца отряд возвратился в станицу с незначительной потерей. Из 170 отбитых коней, за наделом пластунов и частей отряда, а также за заменю выбывших из строя в набеге, 70 штук было отправлено в барантовую комиссию (*В крепости Прочный Окоп, при штабе начальника фланга, была учреждена барантовая комиссия, распорядившаяся продажей отбитого у горцев скота.*).

Подрезов с товарищами, получив свой пай, крепко сердились на метель сбившую их с пути к большому табуну, [ускользнувшему от рук по ее милости. Да оно и логично: опасность ведь та же, а добыча была бы вдвое.

Глава V. НАБЕГ

Начальник фланга, генерал Ковалевский, в 1847 году сосредоточил значительный отряд, для наказания горцев, в станице Некрасовской (*Некрасовская станица поселена в семи верстах от Усть-Лабинской, близ бывшего укрепленного стана некрасовцев, остатки которого еще сохранились: видны раскаты, батареи, потерны, ров и вал.*). Я, с пятьюдесятью пластунами, был послан вперед, разведать и высмотреть, где и как было бы удобнее нанести более вреда.

Отправясь с вечера, мы наткнулись на горские коши: бляение овец и мычанье рогатого скота удостоверили нас в огромном их количестве. Оставя наблюдать за кошами пятерых и послав в станицу двух, мы пошли дальше к долинам Черных гор, как главному центру населения, и, чтобы скрыть свою сакму, высмотреть большее пространство, а также сбить с толку неприятеля, разделились на партии от 3–6 человек, условясь сойтись на месте нашего разделения. С собой я взял троих и, несмотря на свое командирство, охотно подчинился опытности пластуна Мандруйки. Первые лучи солнца, показавшиеся из-за гор, осветили нас на кладбище (*Большая часть азиатских кладбищ расположены на высотах или на отдельных курганах; памятники из грубо-обделанного камня становятся торчмя; сверх того, над убитыми в делах ставятся шесть вроде значков и бунчуков.*). По совету Мандруйки, чтобы лучше высмотреть окрестности аула, я пополз со всеми предосторожностями на вершину и уже хотел подняться из-за камня на ноги, как встретился лицом к лицу с горцем, не менее меня удивленным и озадаченным. Зная по опыту, что «який-сь не схоменувся, тий пропаде, як бисова католицка вира, та ще и га», (*В переводе: кто не спохватится вовремя, тот пропадет, как католик, да еще и хуже.*) это не раз говорил незабвенный мой наставник в пластунстве и верный преданный слуга в доме, Мандруйко, я быстро вскочил на ноги и ударом шашки раздробил башку своему партнеру в игру на жизнь и смерть. Забрав оружие убитого, и высмотрев местность, я присоединился к товарищам, возвратившимся к кладбищу со своих более или менее удачных рекогносцировок.

Поговора и посоветовавшись, мы уже думали пробраться лесом и за доброго ума возвратиться к своим на сборный пункт, как вдруг услышали вдали за собой орудийные выстрелы и ружейную перепалку. Раздумывать было нечего, да и плохо было оставаться на встревоженной местности; мы пустились вперегонку, прислушиваясь к выстрелам нашего отряда, и, пробежав по лесной трущобе, высунув языки не хуже гончих, верст 5–6, попали в самую жаркую свалку в ауле, занятом уже нашими. Кругом горящие копны сена и хлебов, зарево и глухая частая пальба с аккомпанементом орудий, сказали сами за себя об участи аулов и кошей, осмотренных по пути пластунами, которые стали жожаками частям отряда посланным для истребления. Отбившись от своих товарищей, я забрался в старую башню или отслуживший минарет и, стоя на лестнице, принялся постреливать из своей пластунской нарезной двустволки по выбегавшим из горевших саклей горцам.

Охота эта надоела мне, однако, да и пора была убираться: аул уже почти весь пылал. Только что я начал спускаться по спиральной искалеченной лесенке, как увидел гололобого оборванца, прицелившего снизу в меня винтовку и готового спустить курок, как только появится моя особа в более удобной позе. Дело было дрянь, но, вспомнив уловки Мандруйки, я не потерялся и, подавшись немного назад, с размаху прыгнул прямо на голову горца, ждавшего меня на извороте лесенки. По совести скажу, что этот сальто-мортале совершен был мною далеко не по расчету, а безотчетно, инстинктивно, в виду неизбежной гибели. Горец, не ожидавший такой нахлобучки, полетел стремглав вместе со мной считать ступеньки и растянулся на полу без чувств. Опомнившись и осмотревшись, поблагодаря Бога, что не вывихнул ничего

и не переломал костей, я махнул кинжалом по горлу своего противника, не тронув оружия, опрометью выбежал из этой чертовой обсерватории, и скоро наткнулся на Мандруйку, искавшего меня. Хотя мне было далеко не до смеха, но я не мог удержаться, увидев эту рожу в крови, в порохе, с поднятыми на лоб бровями, разинутым зевом и вытаращенными глазами, когда я, его «серденко», как он называл меня в припадках чувствительности, т. е. когда выпивал чуть не гарнец горилки, предстал перед ним оборванный, замаранный в крови и пыли всех оттенков.

Видя мой смех, этот добряк-зверь успокоился и, обозрев мою персону, сказал: «Дурень каже дурень, та и годи, – но, спохватясь, добавил, – а ну-те ходимо».

Скоро мы выбрались за аул! и присоединились к отряду.

Отдав подробный отчет генералу об осмотре нами местности доступной и более скрытой для подступа к аулам, равно и мест, где можно ожидать засад и секретов (все эти пункты я обязан был обозначить на карте глазомерной съемки), я получил позволение отдохнуть до ночи. Обмывшись, перевязав ушибы, выпив и закусив, как следует доброму казаку, я уснул богатырским сном. Часу во втором ночи меня разбудили. Отряд, разделенный на части, уже готов был к движению; вожаки из горцев (*Часто немирные горцы сами сообщали о намерениях в горах, о сборах для нападения и водили отряды для разорения своих же; к этому руководило их не чувство мести, а деньги и подарки, даваемые за услуги, на каковой предмет отпускалась довольно значительная сумма начальнику линии. Такого приятеля-вожака всегда брали на глазок: винтовка сзади следовавшего казака была постоянно готова ссадить его с коня.*) и пластунов были в голове каждой колонны. Генерал, объезжая отряд, отдал последние приказания.

В грозной тишине, как нависшая туча урагана, тронулись войска. Нигде ни слова, ни огонька; орудийные и ракетные пальники в чехлах; только глухой гул копыт и колес, как дальний водопад, отдавался в ущельях гор.

Ночь была пасмурная; кругом нависли тучи; резкий ветер гудел в ущельях, гоня перед собою серый туман; казалось, сама природа негодовала за нарушение ее покоя.

Так мы прошли по пересеченной местности верст около двадцати. Главный отряд остановился, а части, назначенные для истребления аулов, кошей и хлебных запасов, в той же тишине тронулись каждая за своим вожаком. Я вел отряд основателя и начальника линии, полковника Волкова, незабвенного нашего героя-рыцаря «*sans peur et sans reproche*» (без страха и упрека), уважаемого всеми и грозного врагу. Маскируемые воем ветра, по лесным ущельям мы, незамеченные, приблизились к сильно-укрепленному большому аулу, расположенному в глубокой лесистой балке, и остановились над ней. Как змеи поползли пластуны... весь отряд превратился в слух: удачно ли снимут неприятельские секреты и не ошиблись ли пластуны местами их залога. Гробовая тишина тянулась около часу; но вот долетевший по ветру слабый крик и стон в нескольких местах сказали отряду, что все кончено для караульных. Затем в разных пунктах завывали шакалы (*Для передачи условных сигналов пластунами и вообще казаками употреблялось подражание зверям и птицам, и они так искусно это делали, что трудно было различить от настоящих*), и по этому сигналу отделились две сотни и повелись вправо и влево, обскакать кругом аул, чтобы отрезать возможность к побегу. Между тем, казаки, спешась и побатовав, передали коней коноводам и, как тени, спустились в балку к палисаду, ожидая сигнала ворваться в аулы. Томительно тянулись минуты ожидания... и только с первым появлением предрассветной зари, взлетела сигнальная ракета; за ней вслед дрогнула окрестность, потрясенная залпом дивизиона орудий – и эхо покатилося перекатом по ущельям. Не одно сердце забилося сильнее в груди; но раздумывать было некогда: прежде чем запыхало несколько саклей от гранат и ракет, казаки были уже за палисадом и началась резня. Испуганные неожиданностью нападения, и притом спросонья, горцы метались как угорелые, однако, скоро опомнясь, дрались и отбивались отчаянно. В час времени все уже было кончено для аула и его жителей, а сколько произошло в этот час отдельных сцен, страшных, отчаянных, ужасных, а иногда и смешных!.. Везде искалеченные трупы, между которыми линеец очень спо-

койно обирал, что попадалось под руку. Вот тут-то и было много смешного, когда, рискуя жизнью, несколько казаков ссорились до драки за какое-нибудь старое одеяло, в котором больше известных беловатых животных, чем ваты и стежек. Но затихла дробь выстрелов в пылающем ауле; только изредка слышится одиночный звук, раздающийся уже за аулом; прошла резня, и казаки с добычей, сколько достало сил захватить, бросились к коням. Пехота залегла по лесу, началось общее отступление.

Немного собралось горцев из соседних аулов провожать непрошенных гостей; многие аулы понесли почти одну участь с Мургузали.

Возвращаясь на соединение с главным отрядом, мы пожгли все хлеба и сено горцев, пригнали баранту, скот и коней.

Около полудня возвратились все отдельные отряды, приведя более сотни пленных, пригнав, до пяти тысяч баранов и сот пять рогатого скота и лошадей. Развели костры, закипели котлы и явилась круговая чарка-чародейка; пошли разговоры и неизбежная похвальба подвигами; поднялся смех и слышалась подчас ловкая острога над хвастуном или наивным новичком... Только раненые охали да кряхтели в руках эскулапов и их ассистентов.

Набег вполне удался, благодаря употребленной хитрости – собрать за несколько дней, в середине и в верховьях линии, сильные отряды, тем более, что накануне, после сожжения кошей, отряд отошел по направлению вверх по Лабе. Все это вместе обмануло горцев: они никак не ожидали нападения в низовьях реки, твердо веруя в недоступность своих логовищ, ибо до тех пор никогда не бывало нападения отрядов в направлении от Черных Гор.

Потеря наша была, убитыми и ранеными, человек до сорока, да около сотни лошадей.

Весело возвратились к вечеру в станицу. За удачный набег вышли награды; на долю пластунов назначено было четыре георгиевских креста. Собрались товарищи, посудили, порядили, и как ни хотелось всякому иметь крест, но нужно было выбрать только четверых. счастливых, в числе которых единогласно избрали меня и Мандруйку. Я сам чувствую и сознаю, что недаром добыт мною этот знак отличия военного ордена; вдвое горжусь тем, что он мне приговорен единодушно такими специалистами в деле охоты за горцами, как бывшие пластуны.

Глава VI. СВАДЬБА В КАБАРДЕ

В 1846 году, незадолго перед вторжением Шамиля в Кабарду, я стоял со взводом конной казачьей № 14-го батареи на Змейском посту, в нескольких стах саженях от старого минарета, знакомого всем тем, кто проезжал по Военно-Грузинской дороге. Все кругом было в волнении, в ожидании скорого прихода Шамиля; слухи об огромном сборище и о решительных его намерениях давно уже ходили между горцами. Кабарда имела тогда слишком слабые резервы, и нам велено было начальником центра, князем Голицыным, быть осторожными и готовыми во всякое время оставить пост и присоединиться к своим, смотря куда будет удобнее и безопаснее. Осторожность эта не прервала, однако, наших частых сношений с кабардинцами и взаимные визиты не прекращались. Поэтому я и сотник С-в не отказались от приглашения князя К... ва на свадьбу его сына. Зная хорошо соседей, мы распорядились, на всякий случай и, поручив каждый свою часть надежным помощникам, отправились за Терек в аул князя, предварительно высыпав весь порох из газырей и натрусок, так как горцы непременно стали бы просить пороху: дать его, значило бы дать на свою голову, отказать же хозяевам, не заслужив их вражды, не было никакой возможности. Приехав в аул только с вестовыми, мы были встречены в кунакской самим князем и введены с почестью в среду гостей. Явились муллы, кади, эфенди, музыканты, жених и его товарищи-поезжане, и все перешли в главную саклю князя. После молитв духовенства и благословения молодых, начался обеденный стол; молодые, окруженные каждый своими друзьями, заняли почетные места. Свадьба молодого князя была во многих обрядностях далека от прежних обычаев и всем тогда резко бросалась в глаза; но старый князь К* всегда был эксцентрик, а его богатство и слава были могущественны по влиянию на народ, и потому никто не смел осудить, а тем больше заметить о нарушении старых обычаев. Гости уселись, кто на тюшеки, т. е. подушки, покрытые коврами, кто просто припал на корточки, где кому пришлось удобнее, соблюдая, впрочем, уважение к старости, роду и заслуге. Все принялись терзать руками и ножами неприхотливую и далеко негастрономическую стряпню горской кухни, запивая аракой и бузой. По окончании обеда, гости порядком развеселились, перешли в кунакскую, где уже ожидали музыканты. Началась пляска: молодая, стройная и прекрасная, как гурия, танцевала лезгинку; молодой, скрестив на груди руки, стоял напротив ее и жадными глазами следил за сладострастными, дикими и грациозными движениями своей возлюбленной. В самом разгаре танца, старик-кабардинец, стоя за мной, сказал, коверкая слова: «тебя любят оба князя; наш адат велит; если хочешь почтить молодых, выстрели из пистолета под ноги молодой; но храни тебя аллах, если ее ранишь». Стреляя порядочно из пистолета и, желая похвастать как знанием приличий, так и стрельбой, и при том, как небольшой охотник до арака и бузы, находясь совершенно в нормальном состоянии, я выстрелил, и пуля впиалась в пол сакли у самых пальцев ног красавицы. Она едва вскрикнула от неожиданности приветия и снова понеслась как серна, стройно и величаво. Оглушительное «джигит Палон» («Молодец Аполлон». Горцы вообще редко называют по фамилии, а более по имени, и меня из Аполлона пере-крестили Палоном.) были наградой моей ловкости и любезности. Дружески кивнул головой и молодой князь; светлая улыбка красавицы мелькнула на роскошных розовых ее губках... Я торжествовал, вполне довольный собой. В это время порядочно подкутивший С-в, выхватив из-за пояса пистолет, вздумал тоже побравировать, но не суждено было тому исполниться, и другая ждала награда уже не его одного, а нас обоих. Пистолет осекся; он взял его левой рукой за ствол, взвел курок и только что стал насыпать на полку порох из обязательно-предложенной натруски, как раздался выстрел. Пистолет выпал из руки оторопевшего С-ва; молодой князь, стоявший прямо против дула, с тихим стоном упал без жизни, не отняв даже рук от груди

– пуля попала ему в самое сердце. Отчаянный вопль красавицы, бросившейся на труп мужа, был заглушен ревом сотни пьяных горцев; ненавидевших в душе русских: сверкнули кинжалы и шашки, и плохо бы пришлось обоим нам на этой кровавой тризне, превратившей разгул свадьбы в похороны. Я отступил в угол, выхватил кинжал и шашку, и решился недаром продать жизнь. С-в уже был сбит с ног. Но в это время старый князь К-ов явился нашим спасителем. Бледный, как смерть, дрожащей рукой он поднял пистолет и видя, что курок на первом взводе, а полка откинута, вмиг сообразил, что у С-ва не было злого умысла убить его сына, а что это дело судьбы, предопределившей его участь. Дрожащим от волнения и слез, но все еще могучим и сильным голосом, старик, гордо и величаво окинув взором собрание, сказал: «аставар» (*Остановитесь.*). Все, как будто под влиянием волшебного жезла, вдруг стихли и обратили глаза на князя. Подойдя к С-ву, он спросил: «давно ли заряжен был пистолет», и на ответ «более месяца» грустно покачал старик головой. «Через этого человека», сказал он, обращаясь к своим, «великий Бог совершил непреложный закон своего предопределения; старый слежавшийся заряд тлел в стволе, и в нем была смерть моего единственного сына. Не виню неверного в умысле; он был: друг мне и сыну; мы давно ели с одной посуды и не раз доказали взаимную приязнь; но теперь между нами кровь и я один имею право канлы (*Кровавая мечь за убитого; впрочем коран допускает выкуп крови и взамен жизни можно откупиться презренным металлом.*). Немного погодя, старик, уже менее твердым и звучным голосом продолжал: «Радость и горе посылаются Богом и святым его пророком. Друзья, я собрал вас разделить радость, но горем я не делюсь и прошу теперь, дайте отцу, матери и молодой вдовице посетовать и не мстите невинным: они рука Провидения, а не злодеи; об них я сам распоряжусь». Понимая по-кабардински, я передаю речь почти буквально; она глубоко запала мне в памяти. Гости с угрозой и упреком взглянули на нас, но молча разбрелись по знакомым аула. Радость и веселье княжеской семьи так трагически кончившиеся от неосторожности подкутившего С-ва, тяжело отозвались во всех сердцах. Как только вышли гости, князь нам велел следовать за собою, и мы, грустные и встревоженные пришли в небольшую новую его саклю. Молча он нас оставил там и запер на замок; но не прошло и часу, как явился его уздень (*Уздень – дворянин, вассал князя. Уздени разделяются на степени первую, как наши столбовые дворяне, и на вторую – личные.*) и ввел наших вестовых и человек десятков горцев, вооруженных с ног до головы. Горцы расположились у дверей, не выпуская винтовок из рук. Это начало поколебало было в нас веру в рыцарство князя; но оставленное оружие у вестовых и у нас давало надежду продать дорого свою жизнь или, по крайней мере, свободу. Можно представить себе, как провели мы время до утра и какие картины рисовало наше услужливое воображение. Утро разрешило задачу: караул был приставлен единственно для ограждения нас от мести и оскорблений аульных жителей и гостей-кабардинцев. Всегда искреннее и глубокое чувство уважения останется у меня к памяти старого князя К-ва, который не поддался влиянию чувств мести и ненависти, так свойственных мусульманскому изуверству и дикой натуре горца. Князь нас сам проводил до переправы на Тереке и, прощаясь, сказал: «Да хранит вас ваш Бог! Я вас не обвиняю в смерти моего сына, и потому отпускаю не как врагов, а как орудие, посланное Богом наказывать меня. Советую, перейдите на службу подальше отсюда: будете подальше от мести каждого кабардинца. Пистолет твой, С-в, я не могу возвратить; наш адат велит оружие крови иметь у себя, но вот тебе взамен мой, а тебе, Палон, мой кинжал; прощайте». Сказав это, благородный старик взмахнул нагайкой и как стрела полетел к аулу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.